

ГОГОЛЬ

В МОСКВЕ

Сергей Шокарев
Гоголь в Москве (сборник)

«Алисторус»

2011

Шокарев С. Ю.

Гоголь в Москве (сборник) / С. Ю. Шокарев — «Алисторус»,
2011

Н.В. Гоголь был одним из самых путешествующих классиков отечественной литературы. Полтавщина, Санкт-Петербург, Москва, Рим — каждое из этих мест нашло отражение в его творчестве. И все же Москва сыграла ключевую роль в биографии писателя. Здесь создавались его важнейшие произведения. В Москве Гоголь подолгу жил, любил сюда приезжать, провел последние годы и скончался. С Москвой связана одна из самых трагических страниц в истории русской литературы — сожжение Гоголем второго тома "Мертвых душ". Таинственными легендами овеяна могила писателя. Настоящая книга посвящена различным аспектам гоголевского москвоведения. Ее основу составляет исследование известного москвоведа Б.С. Земенкова (1903–1963) "Гоголь в Москве" (1954). Законченный более полувека назад, этот труд до сих пор не утратил своего значения. Продолжают тему гоголевской Москвы и работы современных авторов — С.Ю. Шокарева и Д.А. Ястржембского, в том числе обобщивших...

© Шокарев С. Ю., 2011

© Алисторус, 2011

Содержание

Введение	5
Борис Земенков. Гоголь в Москве	7
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сергей Шокарев, Борис Земенков, Дмитрий Ястржембский Гоголь в Москве

Введение

Великий Николай Васильевич Гоголь являлся одним из самых путешествующих классиков отечественной литературы. Полтавщина, Санкт-Петербург, Москва, Рим – эти места были для него родными, и каждое нашло отражение в его творчестве. И все же, Москва в жизни Гоголя занимает особое место. Более подробно об этом говорится в публикуемых в данном сборнике текстах. Пока же отметим самое важное: Москва сыграла ключевую роль в творческой и личной биографии писателя. Здесь создавались, публиковались и выходили на сцену важнейшие произведения писателя. В Москве Гоголь подолгу жил, любил сюда приезжать, прожил последние годы и скончался. Одна из самых трагических страниц в истории отечественной литературы – сожжение Гоголем второго тома «Мертвых душ» и его уход из жизни – стала вместе с тем и страницей истории Москвы. Могила писателя окружена таинственными легендами, ставшими важнейшей составляющей московской мистической мифологии. В Москве более, чем в других городах, запечатлена память о Гоголе – создан Музейный центр «Дом Гоголя», воздвигнуты памятники, возрожден первоначальный облик могильного памятника. Все это заставляет снова обратиться к теме «Гоголевской Москвы», актуальной еще и потому, что архитектурные памятники, связанные с именами писателя и его современников, все чаще и чаще уходят в небытие. Исчезает не только материальная оболочка, но и душа города, наполненная призраками великих прошлого.

В настоящем сборнике опубликованы работы, посвященные различным аспектам гоголевского москвоведения. Его основу составляет повторная публикация классической работы известного москвовед Бориса Сергеевича Земенкова (1903–1963) «Гоголь в Москве» (1954). Созданная более полувека назад, она и до сих пор не утратила своего значения, благодаря огромному фактическому материалу. Вместе с тем, нельзя не обратить внимания на то, что в наши дни многие положения этой книги звучат более чем странно. В ней явственно чувствуется дух эпохи, очень сильна ее идеология. Почему труд Земенкова о Гоголе оказался именно таким и в чем его значение в наши дни, разъясняет статья Д.А. Ястржембского, посвященная биографии и творчеству этого видного москвовед.

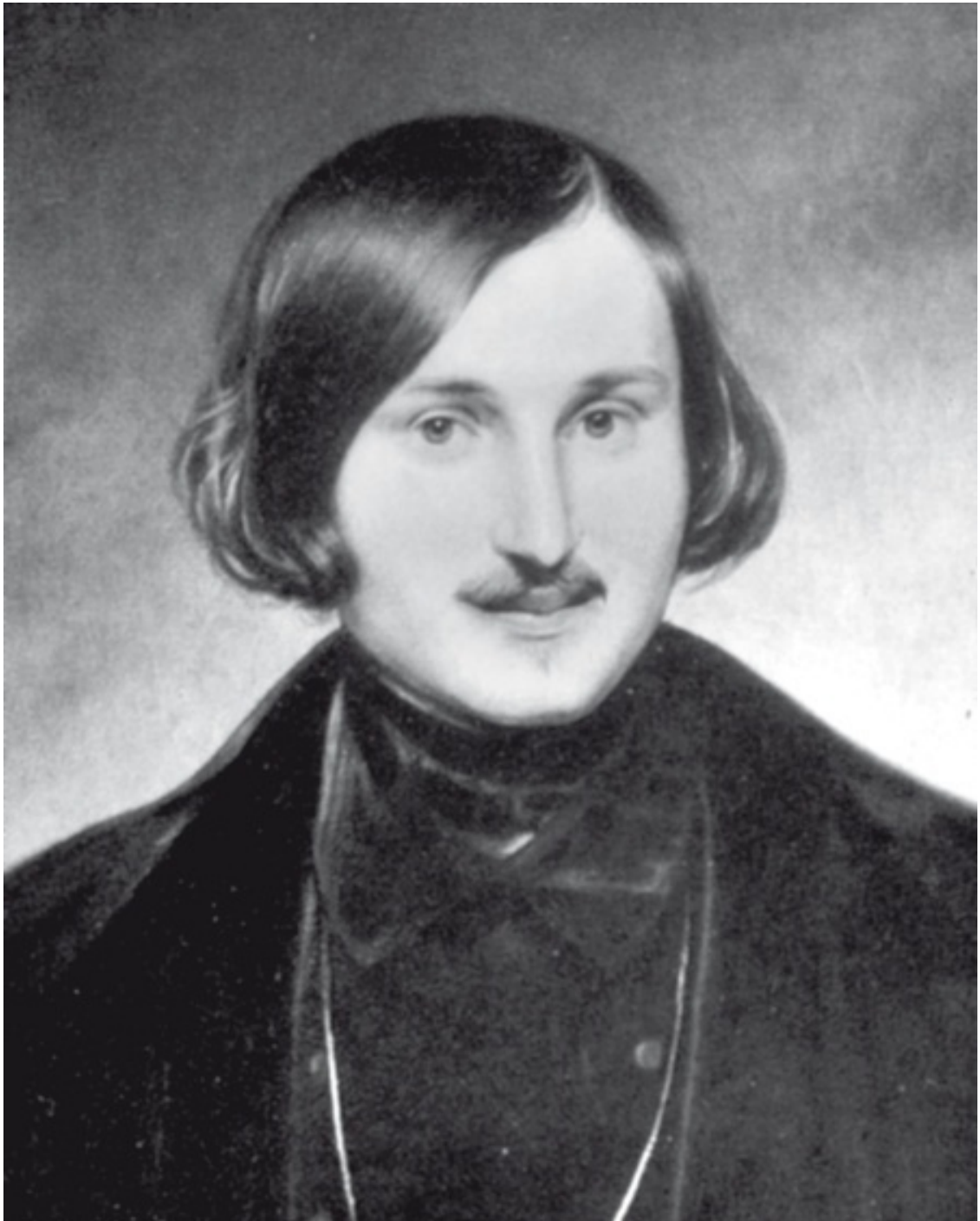
Продолжает тему гоголевской Москвы в локальном варианте работа С.Ю. Шокарева «Арбат в жизни Гоголя». Изю всех местностей Москвы Арбат является самой гоголевской. Здесь писатель жил и умер, здесь установлены два памятника и создан его мемориальный музей. В этой работе не только открывается тема Арбата в жизни Гоголя, но и по-новому раскрывается сам Арбат, который москвичи привыкли считать в большей степени пушкинским (как известно, поэт прожил на Арбате первые месяцы после своей женитьбы).

Как уже говорилось выше, мистические предания окружают могилу Гоголя и историю ее перенесения с кладбища Данилова монастыря на Новодевичье. Московские предания повествуют о том, что при вскрытии могилы якобы обнаружилось, что писатель был захоронен еще живым, другая легенда рассказывает о трубах, которые вели от могилы к поверхности земли, чтобы Гоголь не задохнулся, если проснется... Наконец, еще более широкое распространение и свою историографию имеет представление о том, что голова Гоголя была утрачена, и при вскрытии могилы ее не обнаружили. Разобраться в этом вопросе попытались С.Ю. Шокарев и Д.А. Ястржембский, которые не только обобщили уже имеющиеся данные по этому вопросу,

но и опубликовали новый источник – свидетельства еще одного очевидца вскрытия могилы великого писателя.

Юбилей Гоголя остался позади, но изучение гоголевской темы продолжается...

Борис Земенков. Гоголь в Москве

Николай Васильевич Гоголь. Портрет работы Ф.А. Моллера

1

Значительна роль Москвы в жизни и творчестве великого русского писателя Николая Васильевича Гоголя.

Здесь он писал «Мертвые души», закончил новую редакцию «Тараса Бульбы» и «Портрета», работал над «Тяжкой» и повестью «Рим».

Ряд его московских впечатлений отражен в «Мертвых душах». Яркой декларацией отношения Гоголя к крепостнической Москве 1830-х годов являются его общеизвестные «Петербургские записки 1836 года». Многочисленные высказывания Гоголя о Москве щедро рассеяны в его переписке.

Москва в лице своих прогрессивных деятелей оказала немалую поддержку дарованию Гоголя. В 1835 году в московском журнале «Телескоп» появилась статья В. Г. Белинского «О русской повести и повестях г. Гоголя», определившая высокое место Гоголя в русской литературе. Вспоминая о том огромном впечатлении, какое произвели на современников статьи Белинского, И. А. Гончаров писал: «Без него, смело можно сказать, и Гоголь не был бы в глазах большинства той колоссальной фигурой, в какую он, освещенный критикой Белинского, сразу стал перед публикой»¹.

В московских постановках «Ревизора», «Женитьбы», «Игроков» благодаря непревзойденной игре М.С. Щепкина, В.И. Живокини, С.В. Шуйского совершеннее раскрылось общественно-политическое содержание драматургии Гоголя. Не случайно в «Развязке Ревизора» выразителя и толкователя своих авторских замыслов Гоголь именует просто «Михайло Семенович Щепкин». Уже о первых спектаклях «Ревизора» московский журнал «Молва» писал: «Посмотрите, какие толпы хлынули на его комедию, посмотрите, какая давка у театра, какое ожидание на лицах!...»²

«Самые образованные семейства, жившие в Москве, интересовались нашим великим юмористом, ценили его талант и входили с ним в близкие отношения», – отмечает современник³. Гоголь принимает деятельное участие в литературных вечерах Москвы. Долгие годы восхищенные слушатели помнят, как непревзойденно читал он «Женитьбу» и «Тяжбу». Неизгладимый след в жизни литературной Москвы оставили его чтения отдельных глав «Мертвых душ». Выдающимся событием было чтение Гоголем «Ревизора» 5 ноября 1851 года.

Уже после первого посещения Москвы, в 1832 году, Гоголь признавался: «Тянет в Москву»⁴. В мае 1836 года он писал своему другу М. С. Щепкину: «... По возврате из-за границы я намерен основаться у вас в Москве»⁵. Через несколько дней он сообщал С. Т. Аксакову: «... По возвращении из чужих краев я постоянный житель столицы древней»⁵. В 1848 году Гоголь говорил Ф. В. Чижову, что «любит Москву и желал бы жить в ней...»⁷. В 1850 году, когда плохое состояние здоровья вынудило его жить в родной Васильевке, он сетует: «Ни за что бы я не выехал из Москвы, которую так люблю»⁸. В статье «Похождения Чичикова, или «Мертвые души» (1842 г.) В.Г. Белинский указывал, что «Гоголь... возвращаясь на родину, жил преимущественно в Москве»⁹. Если подсчитать по дням все время, проведенное им в Москве, то оно составит около четырех с половиной лет, то есть вдвое больше того, что прожил в Москве А. С. Пушкин после возвращения из ссылки.

Гоголь горячо любил Москву, как сердце России. «Изо всех российских городов Москва есть истинный русский город, сохранивший свою национальную физиогномию, богатый историческими воспоминаниями, озаменованный печатью священной древности, и за то нигде сердце русского не бьется так сильно, так радостно, как в Москве», – указывал В. Г. Белинский¹⁰. Так же и для Гоголя Москва, озаренная славой героической истории русского народа, его древняя столица, становится олицетворением родины. «Москва моя родина», – пишет он в 1841 году¹¹. Гоголь проникновенно чувствует нерушимую кровную связь Москвы с необъятными пространствами «нашей неизмеримой, нашей родной русской земли»¹². «Москва нужна для России; для Петербурга нужна Россия», – читаем мы в его «Петербургских записках 1836 года»¹³.

Для Гоголя Петербург стал одним из тяжких разочарований юности. Пробыв здесь всего несколько месяцев, он сообщал родным: «Петербург мне показался вовсе не таким, как я думал»¹⁴. «Бездушен, как сам Петербург», – отзывался он впоследствии о городе своих юношеских мечтаний¹⁵. Постоянная борьба с нуждой, скитания по нетопленным квартирам, неудача с профессорством, злобная травля реакционными кругами «Ревизора» навсегда отчуждают Гоголя от Петербурга. На фоне трудных петербургских лет Москва становится для него городом, куда «едешь прямо домой, а не в гости»¹⁶. Здесь скорее были оценены его произведения, здесь в трудные дни он не раз находил дружескую поддержку. Уже в 1839 году он сообщал матери: «... там у меня есть многие приятели и друзья, которые доказали мне на деле истинную приязнь и дружбу»¹⁷. В 1843 году он благодарно вспоминал о немалом материальном подспорье, оказанном ему Москвой во время его долгой и взыскательной работы над первым томом «Мертвых душ»: «Не могу до сих (пор) вспомнить без глубокого душевного умиления о той помощи и о тех нежных участиях, которые шли ко мне всегда из Москвы. Петербургу просто некогда подумать обо мне. Кому, например, придет в голову сделать вопрос: этот человек ниоткуда не получает ни копейки дохода, ничего не печатает в течение шести лет – чем он живет в это время...»¹⁸.

Любовь Гоголя к Москве резко бросалась в глаза его знакомым. П. А. Плетнев с обидой выговаривал ему из Петербурга: «Ко мне ты заезжал, как на станцию, а к ним (в Москву. – Б. З.) как в свой дом»¹⁹. Обращаясь к В. А. Жуковскому, Гоголь писал: «В Москву ты приедешь, как в родную свою семью»²⁰.

Даже помпезность внешнего облика Петербурга – парадное великолепие дворцов, Невы, набережных, Невского – не могла обворожить его. Встретившийся с ним в 1839 году в Петербурге Белинский записывает: «... Гоголя видел два раза... все с иронической улыбкою спрашивает меня, как мне понравился Петербург. Невский проспект – чудо, так что перенес бы его, да Неву, да несколько человек в Москву»²¹. В. Ф. Чижов рассказывает, как Гоголь, вернувшись из Рима, этого города-памятника, говорил ему: «... кто сильно вжился в жизнь римскую, тому после Рима только Москва и может нравиться»²².

Гоголь был чутким ценителем архитектурных памятников. П. В. Анненков вспоминает, как Гоголь, приведя его к Форуму, «указывал точки, с которых должно смотреть на целое, и способы понимать его»²³. А. О. Смирнова описывает, как он, показывая ей один из памятников, предварительно обаял «не смотреть в правую сторону... и вдруг велел обернуться. Мы ахнули от удивления и восторга... «Вот вам и Микель-Анджело! – сказал Гоголь. – Каков?»²⁴ Погодин отмечает, что, показывая памятник, Гоголь даже «выбирал время, час, погоду, – светит ли солнце или пасмурно на дворе, и множество других обстоятельств...»²⁵

Привольна раскинувшаяся на живописных возвышенностях Москва пленила своей красотой Гоголя. Широкие просторы, обилие зелени, красочные пятна Древних колоколен придавали особое своеобразие московскому пейзажу. Белинский считал, что в Москве «... такие живописные ландшафты»²⁶. «В Москве на каждой версте прекрасный вид», – говорил А. И. Герцен²⁷. И невольно вспоминается Москва, когда мы читаем у Гоголя, что для впечатляемости городского ансамбля нужно, «чтобы каждая часть, каждая отдельно взятая масса домов представляла живой пейзаж. Нужно толпе домов придать игру, чтобы она, если можно так выразиться, заиграла резкостями, чтобы она вдруг врзалась в память и преследовала бы воображение. Есть такие виды, которые век помнишь...»²⁸. Гоголь любил не только сам в дальних прогулках любоваться Москвой, но и показывать ее другим. П. В. Анненков, встретившийся с ним в Москве в 1851 году, вспоминает, как Гоголь предложил ему «прогулку по городу»²⁹.

Гоголь пытливо интересуется историей Москвы, просит снабжать его книгами на эту тему, «дабы окунуться покрепче в коренной русский дух»³⁰. Он с увлечением изучает архитектурные памятники Москвы, стремится понять красоту ее древнего зодчества. О системе и продуманности осмотров Гоголя свидетельствуют его, как всегда скупые, пометы в записных книжках: «Никола в Столпах. В Кривом переулке близ Успенья. Мартын исповедник... Подле гостиного двора Троица Грузинская... Фили, церковь, кладбище, 3 версты; Кунцево, 7 верст... Измайлово. Собор. Виноградный сад. Черкизово – патриаршее село. Патриарший дом... Симонов монастырь. Коломенское – 6 верст. Царицыно, недостр[оенный] дворец Баженова. Перерва... Ост[анкино]»³¹. «Пора вам в Москву, – писал он своему другу художнику Александру Иванову. – Здесь так много открывается древностей... что вы не обсмотрите и в целые годы»³². Любовное отношение Гоголя к Москве ярко сказалось в его гневной отповеди К. С. Аксакову, пытавшемуся в своих высказываниях превратить величавый народный символ – Москву в пошлый славянофильский лубок: «Я не прощу вам того, что вы охладили во мне любовь к Москве. Да, до нынешнего моего приезда в Москву я более любил ее, но вы умели сделать смешным самый святой предмет. Толкуя беспрестанно одно и то же, пристегивая сбоку припеку при всяком случае Москву, вы не чувствовали, как охлаждали самое святое чувство вместо того, чтобы живить его... страхните пустоту и праздность вашей жизни! Пред вами поприще великое, а вы дремлете за бабьей прялкой»³³.

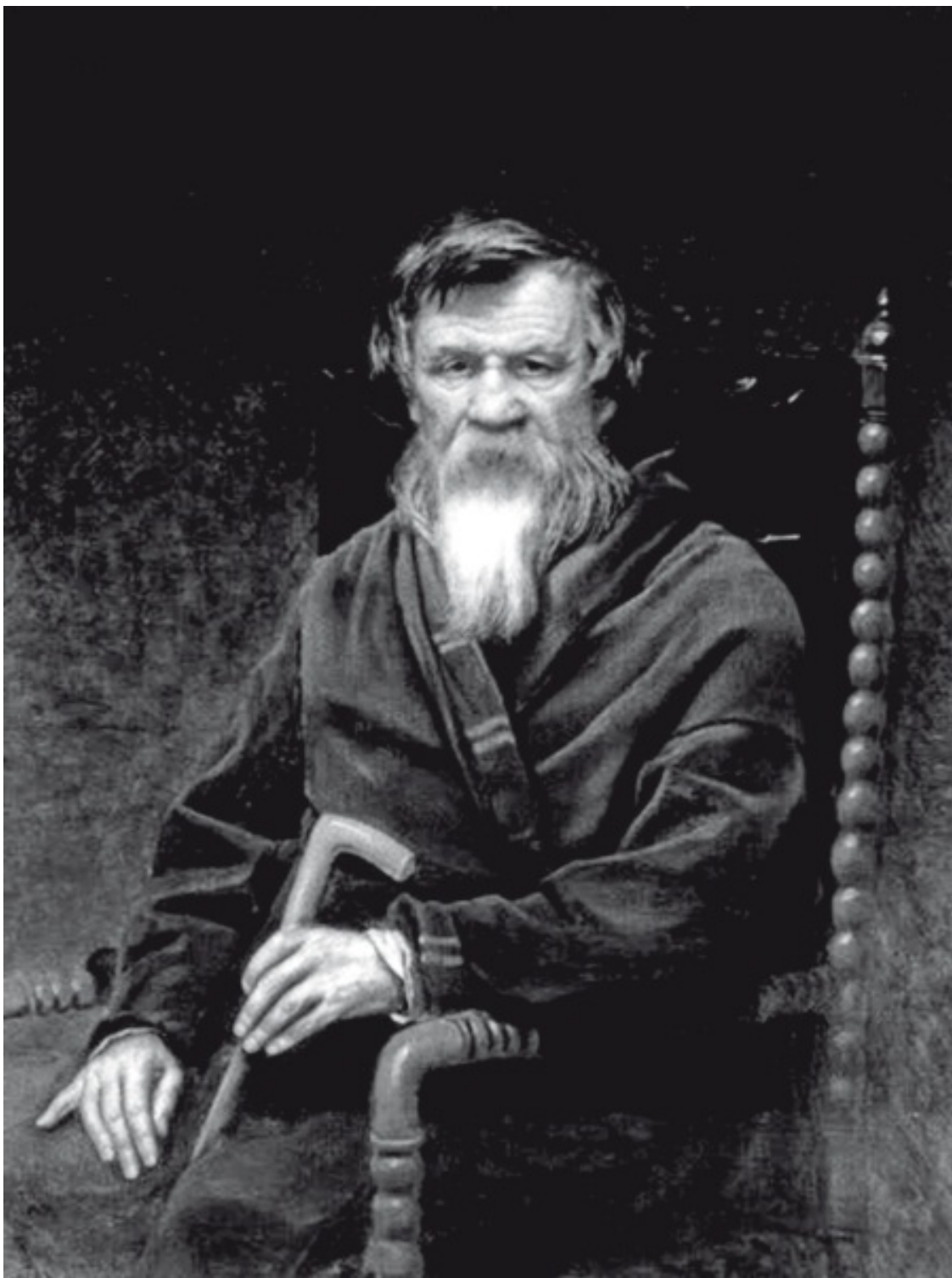

Сергей Тимофеевич Аксаков

Переходя к теме взаимоотношений Гоголя с москвичами, необходимо подчеркнуть, что весьма скупо дошедшие до нас воспоминания современников не только не раскрывают подлинную картину этих взаимоотношений, но в значительной мере сужают и искажают ее своей односторонностью, выводя на первый план М. П. Погодина, С. П. Шевырева и семейство Аксаковых. Между тем Аксаковы, Погодин, Шевырев не только никогда не могли подняться до понимания творчества Гоголя, но вне поля их зрения во многом оказывалась и вся сложность и значительность самой личности писателя. В 1847 году Гоголь признавался: «Отношенья мои стали слишком тяжелы со всеми теми друзьями, которые поторопились подружиться со мной, не узнавши меня. Как у меня еще совсем не закружилась голова, как я не сошел еще с ума от всей этой бестолковщины – этого я и сам не могу понять!»³⁴ Различные знаки внимания, деловые услуги со стороны этого окружения Гоголя сопровождались – и путем личного влияния и путем печатных высказываний – настойчивыми попытками переключить писателя на свои идейные позиции, на позиции славянофильства, что осложняло отношения, а временами ставило их на грань полного разрыва.

В 1847 году Гоголь писал А. О. Смирновой: «Не будут живы мои образы, если я не сострою их из нашего материала, из нашей земли, так что всяк почувствует, что это из его же тела взято. Тогда только он проснется и тогда только может сделаться другим человеком... вот вам исповедь литературного труда моего... С московскими моими приятелями об этом не рассуждайте... Пусть их путаются обо мне; я их вразумлять не буду»³⁵. «... Честный... сын своей земли», писавший, по выражению И. А. Некрасова, «не то, что было легче для его таланта, а... то, что считал полезнейшим для своего отечества»³⁶, Гоголь с негодованием относился к их фальшивой и суетной игре в «народность». Он считал, что «...истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа»³⁷. «Писатель, – утверждал Гоголь, – если только он одарен творческою силою создавать собственные образы, воспитайсь прежде, как человек и гражданин земли своей, а потом уже принимайся за перо! Иначе будет все невпопад»³⁸. В 1846 году, решительно отказываясь принять участие в изданиях славянофилов, Гоголь резко писал Н. М. Языкову: «Статья все же будет моя, а не их; стало быть, им никакой чести...

Воспитай прежде себя для общего дела, чтобы уметь точно о нем говорить, как следу[ет]. А они: надел кафтан да запустил бороду, да и воображают, что распространяют этим русский дух по русской земле!.. скажи так, что я весьма понял всякие ко мне заезды по части статьи отдаленными и деликатными дорогами, но не хочет ли он понюхать некоторого словца под именем: нет? Это словцо имеет запах не совсем дурной, его нужно только получше разнюхать»³⁹.

Михаил Петрович Погодин

Лишь почти насильственно, эксплуатируя материальную зависимость от него, Погдину удалось вырвать у Гоголя для «Москвитянина» отрывок повести «Рим» (1842 г.). В 1845 году Гоголь дал убийственную характеристику погодинского журнала: «Москвитянин», издаваясь уже четыре года, не вывел ни одной сияющей звезды на словесный небосклон! Высунули носы какие-то допотопные старики, поворотились... и скрылись, тогда как с русским ли человеком не наделать добра на всяком поприще!»⁴⁰ Через несколько лет аналогичный отзыв о «Москви-

тянине» даст и И.С. Тургенев: «...печатать в нем, – значит бросить свои вещи ночью в темную яму в безлюдном месте»⁴¹.

Было бы ошибкой видеть в связях Гоголя с Москвой лишь его отношения с Аксаковыми, М. П. Погодиным и С. П. Шевыревым. Переписка самого писателя, а также его записные книжки значительно расширяют наше представление о круге его московских знакомств. Дружественные отношения связывали его с великим русским актером М.С. Щепкиным, с профессорами Московского университета О.М. Бодянским, Ф.И. Иноземцевым и П.Г. Редкиным, с известными собирателями народной поэзии М. А. Максимовичем и П.В. Киреевским, с одним из первых исследователей памятников древнего зодчества Москвы, архитектором Ф.Ф. Рихтером. В Москве Гоголь встречается с В.Г. Белинским, Е.А. Баратынским, Т.Н. Грановским, М. Ю. Лермонтовым, Н.П. Огаревым, А.Н., Островским, И.С. Тургеневым, с художниками И.К. Айвазовским, П.А. Федотовым, с декабристами М. М. Нарышкиным и М.А. Фонвизиным. Он постоянно бывает на литературных вечерах у А.П. Елагиной и Д.Н. Свербеева. И когда мы сегодня посещаем в Москве связанные с Гоголем памятные места, они знакомят нас с рядом существенных фактов из жизни и творчества этого великого художника слова.

2

В конце июня 1832 года Гоголь впервые въехал в Москву. Низкие тучи, серая дымка дождя, грязь встретили его. Эти дни в Москве были пасмурными и холодными; температура нередко приближалась к 20 градусам¹. 4 июля он писал матери: «...погода была самая скверная, дожди проливные... я в Москву приехал нездоровым... здешние врачи советуют мне недельку обождать для совершенного поправления»².

Убог был день «заштатной» столицы. Пожелтевшие страницы «Московских ведомостей» уныло повествуют:

– о том, что Московская дворцовая контора продает на Пресненских прудах... «карасей отборных»³;

– о том, что «...Московский попечительный комитет императорского человеколюбивого общества вызывает чрез сие желающих принять на себя починку колодезя... в доме, пожертвованном комитету, на Моросейской улице...»⁴;

– о том, что «...Дорожная комиссия по Московской губернии, по неуспеху в торгах на скошение травы на тротуарах по Рязанскому и Владимирскому трактам, вызывает желающих...»⁵.

Скупым языком газетных объявлений сообщается о продаже живых «душ» наравне с турецкими шальями, каретами, караковыми жеребцами, годными для «господ офицеров». Однако далеко не всегда крепостной люд безропотно подчинялся своему положению. В дни приезда Гоголя в Москву некая коллежская асессорша истошно зывала со страниц газеты: «Умершего мужа моего дворовый человек Алексей Журило, 28 лет, росту... белокур, глаза серые... бежал»⁶.

Барская Москва, сохраняя во многих чертах своего быта вековые традиции, скудела с каждым годом. Если в конце XVIII века 8,6 тысячи проживавших в Москве дворян обслуживала 61 тысяча дворовых, то в 1834–1840 годах на 15,7 тысячи дворян приходится дворовых всего 67 тысяч⁷. Из номера в номер «Московские ведомости» раскрывают безрадостную картину все растущего дворянского разорения. Продаются овечьи романтической дымкой семейных преданий прадедовские усадьбы, с молотка идут на аукционных торгах просроченные по закладным имения сановных действительных и тайных советников, лихих штабс-ротмистров, помещиков, промотавшихся на картах и борзых. Покинув Москву, Гоголь делится

впечатлениями с поэтом И. И. Дмитриевым: «Полное, роскошное лето! Хлеба, фруктов, всего растительного гибель! А народ беден, имения разорены и недоимки неоплатные... Помещики видят теперь сами, что с одним хлебом и винокурением нельзя значительно возвысить свои доходы. Начинают понимать, что пора приниматься за мануфактуры и фабрики; но капиталов нет, счастливая мысль дремлет, наконец умирает, а они рыскают с горя за зайцами...»⁸.

«В Москве повсюду встречаете вы купцов, – говорит В. Г. Белинский, – и все показывает вам, что Москва, по преимуществу, город купеческого сословия»⁹. По его словам, «она одевает всю Россию своими бумажно-прядельными изделиями; ее отдаленные части, ее окрестности и ее уезд – все это усеяно фабриками и заводами, большими и малыми»¹⁰. По статистическим данным, в Москве 1834–1840 годов на 15,7 тысячи дворян приходилось 17,8 тысячи купцов¹¹. В 1840-х годах в Москве и уезде было 787 фабрик, на которых работало 50 тысяч рабочих¹². По выражению Гоголя, «Москва – кладовая, она наваливает тюки да выюки, на мелкого продавца и смотреть не хочет... Москва не глядит на своих жителей, а шлет товары во всю Русь; Петербург продает галстуки и перчатки своим чиновникам»¹³.

Дворянское общество Москвы, обеспеченное трудом крепостных, продолжало жить патриархально – праздно, невежественно и сыто. Впоследствии А. И. Герцен вспоминал, что «... в Москве жизнь больше деревенская, чем городская, только господские дома близко друг от друга. В ней... живут себе образцы разных времен, образований, слоев, широт и долгот русских. В ней Ларины к Фамусовы спокойно оканчивают свой век; но не только они, а и Владимир Ленский и наш чудак Чацкий; Онегиных было даже слишком много. Мало занятые, все они жили не торопясь, без особых забот, спустя рукава»¹⁴. Он отмечал, что «... в Москве есть своего рода полудикий, полубразованный барский быт... В добрейшей Москве можно через газеты объявить, чтоб она в такой-то день умилялась, в такой-то обрадовалась: стоит генерал-губернатору распорядиться и выставить полковую музыку или устроить крестный ход»¹⁵.

Паразитическая жизнь дворянской Москвы неизменно вызывала и у Гоголя чувство резкой неприязни. Гоголь решительно отказывался посещать вечера московской знати. Реакционный стихотворец, сенатор М. А. Дмитриев, племянник известного поэта, в неизданных воспоминаниях желчно рассказывает о том, что когда всесильный генерал-губернатор Москвы князь Д. В. Голицын учредил у себя литературные собрания, «долго не являлся один Гоголь. Как ни старались, как ни хлопотали его почитатели, Шевырев и Погодин, ввести его к князю: никак не удавалось!»¹⁶.

Косная, фамусовская Москва с пошлыми интересами, не идущими дальше чинов, семейных сплетен и званого обеда, по определению Гоголя, – «... старая домоседка, печет блины, глядит издали и слушает рассказ, не подымаясь с кресел, о том, что делается в свете... Москва всегда едет, завернувшись в медвежью шубу, и большею частью на обед»¹⁷. С большим сарказмом живописует портрет москвича В. Г. Белинский: «Лицо москвича никогда не озабочено: оно добродушно и откровенно, и смотрит так, как будто хочет вам сказать: а где вы сегодня обедаете?»¹⁸ – «Что касается до жизни (в Москве. – Б. З.)... – иронически писал Гоголь другу своей юности А.С. Данилевскому, – ...ты увидишь, что тебе совершенно не нужно будет дома обедать, и побуждения не будет для этого Кроме того, что это очень скучно...»¹⁹.

Пустая тревоугодническая жизнь, бесплодные споры, прекраснотушные мечтания нередко подменяли в Москве живую творческую деятельность. В.Г. Белинский так характеризовал литературную жизнь Москвы этих лет: «Где, если не в Москве, можете вы много говорить о своих трудах, настоящих и будущих, прослыть за деятельнейшего человека в мире – и, в то же время, ровно ничего не делать? Где, кроме Москвы, можете вы быть довольнее тем, что вы ничего не делаете, а время проводите преприятно?.. москвичи же ограничиваются только беседами и спорами о том, что должно делать, беседами и спорами, часто очень умными, но все-

гда решительно бесплотными»²⁰. Ту же суровую оценку быта московской литературной среды мы находим и у Гоголя: «Они люди умные, но многословы и от нечего делать толкут воду в ступе»²¹. По его словам, «... в Москве все журналы, как бы учены ни были, но всегда к концу книжки оканчиваются картинкою мод... Московские журналы говорят с Канте, Шеллинге и проч. и проч.; в петербургских журналах говорят только о публике и благонамеренности. В Москве журналы идут наряду с веком, но опаздывают книжками... В Москве литераторы проживаются в Петербурге наживаются»²². Жизнь Гоголя была самоотверженным под вигом высокого писательского труда. Потому-то так велико его негодование на праздность москвичей. «Мерзавцы вы все, московские литераторы, – возмущенно писал он Погодину в 1835 году. – ...Вы все только на словах. Как! затеяли журнал, и никто не хочет работать!.. Страм, страм, страм!.. ваши головы думают только о том, где бы и у кого есть блин во вторник, среду, четверг и другие дни»²³.

Но наряду с этой барской сытой Москвой была и другая, культурная и образованная. В этой Москве не погасла память о декабристах, из дома в дом ходили в списках запрещенные стихи Пушкина и Рылеева. В Московском университете, в общежитии «казеннокоштных» студентов, вокруг В. Г. Белинского образуется кружок передовой молодежи – «Литературное общество 11-го нумера». В кипучем кружке А. И. Герцена и Н. П. Огарева мечтают о борьбе за свободу и о мести за декабристов. Философские споры не смолкают до утра в мезонине у Н. В. Станкевича. У декабриста М. Ф. Орлова и у П. Я. Чаадаева ведутся вольнолюбивые беседы. Жизнь многих культурных домов Москвы окрашена в эти годы широкими литературными интересами. Тяжкий гнет николаевской реакции не смог задавить в Москве все проявления общественной мысли.

Гоголь горячо любил Москву как город народной славы, как живую летопись героического прошлого нашей родины, как город, красивейший по своему местоположению: «Как раскинулась, как расширилась старая Москва!»²⁴ Потому-то он мечтает о том времени, когда «... Москва получит большую значительность и степенность, какой ей недоставало. Тогда может восстановиться в ней та литературная патриархальность, на которую у ней есть только претензии, но которой в самом деле нет»²⁵.

3

Впервые посетив Москву по дороге из Петербурга в Васильевку в конце июня 1832 года, Гоголь прожил здесь очень недолго. «...Пробыл полторы недели, в чем, впрочем, и не раскаиваюсь. За все я был награжден», – пишет он с дороги своему товарищу по Нежинской гимназии Н. Я. Прокоповичу¹. Это его краткое пребывание было необычно деятельным. Он завязывает в московском ученом и литературно-театральном мире яд знакомств, установивших на долгие годы его связи с Москвой. «Там... – писал он впоследствии... – любят меня непритворно, искренно»².

Не безвестным автором приехал Гоголь в Москву: «Вечера на хуторе близ Диканьки» были давно уже прочтены, и мы все восхищались ими... – вспоминает С. Т. Аксаков. – Не вдруг узнали мы настоящее имя сочинителя; но Погодин ездил зачем-то в Петербург, узнал там, кто такой был «Рудый Панько»... и привез нам известие, что Диканьку написал Гоголь-Яновский. И так это имя было уже нам известно и драгоценно»³.

Особняк в Большом Афанасьевском переулке, 12, в котором произошли первая встреча и знакомство Н.В. Гоголя с семьей Аксаковых

Тем, что в Москве Гоголь появился уже сложившимся и привлечшим к себе внимание писателем, объясняется в значительной мере щедрая дань уважения и радушия, которая была ему здесь оказана. Продолжая путь в родную Васильевку, Гоголь писал с дороги И. И. Дмитриеву: «Минувши заставу и оглянувшись на исчезающую Москву, я почувствовал грусть. Мысль, что все прекрасное и радостное мгновенно, не оставляла меня до тех пор, пока не присоединилась к ней другая, что через три или четыре месяца я снова увижусь с вами»⁴.

Первым, с кого начались московские встречи Гоголя, был М. П. Погодин, с которым Гоголь познакомился еще в Петербурге. Оба они, помимо занятий литературой, вели тогда курсы истории: Гоголь – в Патриотическом женском институте в Петербурге, Погодин – в Московском университете. Насколько после первой встречи был велик их взаимный интерес друг к другу, свидетельствует тот факт, что Погодин, желая понять педагогические методы Гоголя, просит доставить ему на просмотр тетради его учениц, стремится связать его с московскими литераторами, Гоголь заканчивает ему письмо из Васильевки словами: «С нетерпением жажду обнять вас. Тянет в Москву»⁶.

Погодин в эти годы жил в своем доме на Мясницкой улице (дом № 8, не сохранился)¹.

¹ В Городском историческом научно-техническом архиве при Архитектурно-планировочном управлении г. Москвы (в дальнейшем сокращенно: ГИНТА) нам удалось обнаружить план этого владения от 1831 года, по которому мы можем составить себе некоторое представление о внешности этого не дошедшего до нас мемориального памятника, связанного с именами Пушкина, Гоголя, Щепкина, Аксакова и других представителей литературно-художественной Москвы. Почти параллельно Большому Златоустинскому (ныне Большому Комсомольскому) переулку владение делилось – начале оградой, затем постройками – на две части. Часть, примыкавшая к Большому Златоустинскому переулку и занимавшая примерно треть всей площади, была под двором и под хозяйственными одно- и двухэтажными постройками. На остальной площади показан сад, в середине которого находился обращенный фасадом к Мясницкой большой дом с мезонином. По углам к нему примыкали одноэтажные небольшие строения, которые на плане уже обозначены снесенными. Снесена была и терраса с тремя сходами,

Погодин познакомил Гоголя с С.Т. Аксаковым. Последний жил тогда в доме № 12 по Большому Афанасьевскому переулку и по субботам обычно устраивал интимные литературные собрания. На одно из них Погодин и привел Гоголя «без всякого предуведомления, – вспоминает С.Т. Аксаков. – Эффект был сильный. Я очень сконфузился, бросился надевать сюртук, бормоча пустые слова пошлых рекомендаций»⁶².

Однако в первый раз Гоголь пробыл очень недолго, около часу. Уходя, просил Аксакова познакомить его с М. Н. Загоскиным, для чего обещал зайти через несколько дней. С 1831 года М. Н. Загоскин занимал должность директора московских театров, и для Гоголя, уже тогда задумавшего ряд драматургических произведений (в частности, будущую «Женитьбу»), это знакомство было в деловом отношении весьма важным.

Через несколько Дней Гоголь зашел к С. Т. Аксакову, чтобы вместе посетить уже предупрежденного М. Н. Загоскина. Любопытно, что беседа дорогой шла о театре. «Я заметил, – вспоминает С.Т. Аксаков, – что русская комедия его сильно занимала и что у него есть свой оригинальный взгляд на нее»⁷.

М. Н. Загоскин с 1830 года жил в собственном доме в Денежном переулке (ныне улица Веснина, № 5, дом не сохранился)³.

соответствующая средней, «третней», части дома. В углу сада, возле Мясницкой улицы, у границы с соседним владением, находилась беседка. Два бока ее были обстроены одноэтажными флигелями. Сзади дома показано несколько строений, также частично подвергшихся сломке.

² По словам С. Т. Аксакова, это свидание произошло в кабинете, «находившемся в мезонине... В комнате было жарко, и некоторые, в том числе и я, сидели без фраков» (С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, 1890, с. 5). Войдя во двор, мы можем видеть на боковой стене основного строения несколько окон, расположенных возле самой крыши, чем объясняется жара в этом небольшом помещении.

³ В начале XIX века это владение принадлежало П. А. Ефимовскому, родственнику и близкому приятелю популярного в те годы поэта и театрала И. М. Долгорукого. Как явствует из материалов этого владения, находящихся в ГИИТА, застройка его площади слагается при Ефимовском и сохраняется в основном до 1880-х годов. Сохранившиеся планы 1817 и 1858 годов рисуют нам это владение следующим образом: строения вдоль улицы были сдвинуты с оси несколько вправо, освобождая левый угол владения под сад или двор. В середине этого комплекса стоял одноэтажный деревянный оштукатуренный дом «покоем» в девять окон. По бокам его два деревянных же флигеля в три окна. Все нежилые постройки (сарай, конюшня, оранжерея и т. п.) были отнесены в глубь владения. Следует отметить, что в 1832 и 1833 годах в доме Загоскина жил Н. И. Надеждин, издатель московских журналов «Телескоп» и «Молва», в которых через три года появились статьи Белинского о произведениях Гоголя, сыгравшие громадную роль в творческой биографии писателя.

Николай Михайлович Загоскин

Небезынтересна история покупки им этого владения. Переехав в Москву в 1820 году, Загоскин жил в доме Новосильцева (Гагаринский переулок, № 29 и 31), на побочной дочери которого он был женат. Но, как рассказывает С. Т. Аксаков, «...Загоскин жил в доме своего тестя в мезонине... Комнатка, в которой он меня принял, была проходная... кругом разговаривали громко, нимало не стесняясь присутствием хозяина, принимавшего у себя гостя... Я понял положение бедного Загоскина посреди избалованного, наглого лакейства, в доме господина, представлявшего в себе отражение старинного русского капризного барина екатерининских времен, по-видимому не слишком уважавшего своего зятя»⁸. В 1829 году вышел роман писателя «Юрий Милославский», имевший по тому временам небывалый успех. Чтобы расстаться со своим тестем, Загоскин все, и довольно значительные, средства, полученные от издания, тратит на покупку этого дома.

Михаил Семенович Щепкин

Внимание Гоголя привлекают творческие силы московских театров. Он стремится познакомиться с главой московской труппы М. С. Щепкиным. В этом случае Гоголь обходится без посредников. Сын великого русского актера запомнил первое появление Гоголя в их доме. «Мы знали (вероятно, от С.Т. Аксакова, с которым М.С. Щепкин был очень близок. – Б. З.), что Гоголь... приехал в Москву. Это был его первый приезд сюда. Не помню, как-то на обед к отцу собралось человек двадцать пять... дверь в переднюю, для удобства прислуги, отворена настежь. В середине обеда вошел в переднюю новый гость, совершенно нам незнакомый. Пока он медленно раздевался, все мы, в том числе и отец, оставались в недоумении. Гость остано-

вился на пороге в залу и, окинув всех быстрым взглядом, проговорил слова всем известной малороссийской песни:

Ходит гарбуз по городу,
Пытается своего роду:
Ой чи живы, чи здоровы
Вси родичи гарбузовы?

Недоумение скоро разъяснилось – нашим гостем был Н. В. Гоголь, узнавший, что мой отец тоже, как и он, из малороссов»⁹. С этого дня начинается многолетняя плодотворная дружба этих двух выдающихся деятелей русского реалистического искусства. Следует вспомнить, что в эти годы репертуар театров был наводнен легковесными, большей частью переводными, пьесами, в которых раскрыть свое дарование Щепкин, конечно, не мог. В 1835 году он жаловался петербургскому актеру И. И. Сосницкому: «...Бездействие совершенно меня убивает. Я сделался какою-то ходячею машиною или вечным дядею»¹⁰. Сохранилась красноречивая запись Гоголя о Щепкине: «Вмешали в грязь, заставляют играть мелкие, ничтожные роли, над которыми нечего дела[ть]. Заставляют то делать мастера, что делают ученики. Это все равно что архитектора, который возносит гениально соображенное здание, заставлять быть каменщиком и делать кирпичи»¹¹.

Гоголь нашел в Щепкине гениального воплотителя своей драматургии, который в свою очередь в пьесах Гоголя нашел ту жизненную правду, которую он мечтал утвердить на сцене. Щепкин был непревзойденным исполнителем и создателем ролей городничего («Ревизор»), Подколесина и Кочкарева («Женитьба») и Утешительного («Игроки»). По поводу первой постановки «Ревизора» в Москве современная ей критика писала: «Кажется, что Гоголь с него списывал своего городничего, а не он выполнял роль, написанную Гоголем»¹². Впоследствии Погодин указывал, что «...Гоголь сам обязан был многим Щепкину. Не говорю об их с лишком тридцатилетней близкой, короткой связи, не говорю об их частых беседах, исключительно посвященных драматическому искусству и русской жизни, не говорю о веселых, живых и умных рассказах Щепкина, которые часто встречаются в сочинениях Гоголя, – но тот смех, который Щепкин возбуждал в Гоголе, еще молодом человеке, выступавшем на поприще, не был ли задатком того смеха, каким после наделил нас Гоголь с таким избытком? Выводя на сцену многие действующие лица, Гоголь не имел ли в виду Щепкина»¹³. Много выдавший за свою трудовую жизнь, Щепкин был увлекательным рассказчиком. Известно, что по канве его воспоминаний А. И. Герцен написал «Сороку-воровку», а В. А. Соллогуб – «Собачку». Повествования Щепкина обогатили и творчество Гоголя. «Так, – вспоминает внук великого актера, – Михаил Семенович передал ему рассказ о городничем, которому нашлось место в тесной толпе, и о сравнении его с лакомым куском, попадающим в полный желудок. Так слова исправника: «полюбите нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит» – были переданы Гоголю Щепкиным»¹⁴. По словам часто бывавшего в семье Щепкиных известного собирателя русских народных сказок А. Н. Афанасьева, «случай, рассказанный в «Старосветских помещиках» о том, как Пульхерия Ивановна появление одичалой кошки приняла за предвестие своей близкой кончины, взят из действительности. Подобное происшествие было с бабкою М. С.-ча»¹⁵.

Дом М.С. Щепкина в Большом Каретном переулке, 16. Акварель Б.С. Земенкова

Безусловно, что дом Щепкина привлекал Гоголя и высокими моральными устоями жизни великого артиста. Его ученица А. И. Шуберт пишет: «Каждому, у кого не было честных убеждений, в семье Щепкина было неловко: он поневоле должен был испаряться. Солгать, схитрить перед М. С. было немислимо»¹⁶. Щепкин был одним из ближайших друзей Гоголя, а его дом являлся одним из наиболее дружественных приютов писателя. Внук великого актера свидетельствует: «Гоголь очень часто приезжал к Щепкину и оставался несколько раз ночевать»¹⁷.

Щепкин в год знакомства с Гоголем жил в собственном доме, приобретенном еще в 1830 году, в Большом Спасском (ныне Большой Каретный) переулке, № 16. Дом сохранился, за исключением небольшой террасы, выходившей в сад. Сад этот, бывший преимущественно фруктовым и занимавший значительную площадь владения, также не сохранился. Владение Щепкина, в годы проживания его здесь, походило на маленькую провинциальную усадьбу, прихотливо вкрапленную в густо застроенные в этом районе московские переулки. С полным основанием мы можем щепкинский дом отнести к крупнейшим мемориальным памятникам Москвы. Здесь великий актер писал свои известные «Записки». У него часто бывали Пушкин, Белинский, Гоголь, Герцен, Грановский, Тургенев. Но материальные невзгоды принудили Щепкина расстаться с собственным владением. С горечью писал он Гоголю 22 мая 1847 года: «Я продал дом, расплатился с долгами, и у меня остается, за уплатою за годовую квартиру, 1500 р.; вот все мое состояние...»¹⁸

Посетил Гоголь и старейшего московского литератора, друга Н. М. Карамзина, поэта И. И. Дмитриева, который, по словам П. А. Плетнева, «принял его со всею любезностью своею»¹⁹. Уже с дороги Гоголь вспоминал их встречу: «...я вижу вас, нашего патриарха поэзии, в ту самую минуту, когда вы радушно протянули руку еще безызвестному и не доверяющему себе

автору»²⁰. Дом И. И. Дмитриева не сохранился. Он находился на Спиридоновке (ныне № 17 по улице Алексея Толстого)⁴.

В этот же приезд Гоголь знакомится с выдающимся представителем московского научного мира, профессором Московского университета и директором его терапевтической клиники И. Е. Дядьковским, крупным врачом-практиком. Убежденный материалист, Дядьковский являлся человеком разносторонних знаний, даровитым ботаником, физиком и химиком. Он был одним из любимейших профессоров университета. Впоследствии А. А. Григорьев вспоминал, как «...молодежь медицинская увлекалась пением своей сирены, Дядьковского... Это имя всякий день звучало у меня в ушах... оно же было именем борьбы живой, эоловой науки с старою рутиной...»²¹. Как участника войны 1812 года Дядьковского связывали дружеские отношения с известным поэтом-партизаном Д. В. Давыдовым и будущими декабристами М. М. Нарышкиным и И. Д. Якушкиным. Он был близок со многими московскими литераторами – В. Г. Белинским, Д. В. Веневитиновым, Н. В. Станкевичем, М. А. Максимовичем, а также актерами П. С. Мочаловым и М. С. Щепкиным.

Очевидно, по рекомендации Погодина Гоголь обращается к Дядьковскому за медицинской помощью. Приехав в Васильевку, он вновь – через Погодина – обращается к нему за советами: «...мне не остается иного средства, как просить вас прибегнуть к Дядьковскому... Уверьте его, что с величайшею признательностью буду благодарить его...»²². Жил Дядьковский в Брюсовском переулке, № 21 (дом не сохранился)⁵.

Но наиболее существенный адрес – московский адрес самого Гоголя в этот приезд – остается для нас неизвестным. «Отдать визит Гоголю не было возможности, потому что не знали, где он остановился: Гоголь не хотел этого сказать», – пишет С. Т. Аксаков²³.

7 июля Гоголь выехал из Москвы. Ночевал он в Подольске, где был задержан проделками смотрителя. Нередко смотрители станций, придерживая казенных лошадей, предлагали своих, чтобы получить с проезжавшего значительно большую оплату. Современник иронически отмечает: «... город Подольск, известный проезжающим недостатком почтовых лошадей и плутовством смотрителя»²⁴. В Подольске Гоголю пришлось встретиться с одним из своих персонажей. 8 июля утром он пишет Погодину: «Я... свидетель прелестного утра. Ехать бы только нужно, но проклятое слово имеет обыкновение вырваться из уст смотрителей: нет лошадей... Впрочем совестливый смотритель объявлял, что у него есть десяток своих лошадей, которых он, по доброте своей (его собственное выражение) готов дать за пятерные прогоны. Но я лучше решил сидеть за Ричардсоновой Кларисою в ожидании лошадей; потому что ежели на пути попадется мне еще десять таких благодетелей человеческого рода, то нечем будет доехать до пристанища...»²⁵ Бывшее станционное здание сохранилось в Подольске и поныне. Оно находится на разветвлении Серпуховского и Варшавского шоссе и представляет собой небольшую двухэтажную постройку, типично екатерининского времени. Гоголь в нем неоднократно останавливался по дороге на юг, в Васильевку, и обратно в Москву.

⁴ Это колоссальное по площади владение – около 2 гектаров – было преимущественно под садом. Дом был деревянный из бревен, поставленных стоймя и скрепленных железными обручами. Построен он был в 1814 году самим И. И. Дмитриевым по проекту архитектора А. Л. Витберга. Просуществовал до начала 1890-х годов, когда был сломан новым владельцем, С. Т. Морозовым, построившим на его месте ныне существующий громадный дом.

⁵ Находящиеся в ГИИТА два плана этого владения – 1822 и 1840 годов – дают возможность воссоздать его вид в гоголевское время. В 1822 году почти вся площадь этого владения была не застроена. Вдоль Брюсовского переуллка не было ни одной постройки. Каменный двухэтажный жилой дом стоял в глубине двора, возле межи с владением № 23, боком к переулку, лицом во двор. За ним по самой меже имелось небольшое, тоже двухэтажное, каменное жилое строение. Примыкая к нему, вдоль тон же межи тянулась до угла владения одноэтажная нежилая постройка – очевидно, сарай или конюшня. Такую же постройку мы видим и у межи, противоположной переулку. К 1840 году эта часть двора в значительной мере уже занята службами. В центре же двора появляется небольшое жилое «в один этаж с подвалом» строение. Так в течение двадцати лет застройка владения почти не менялась.

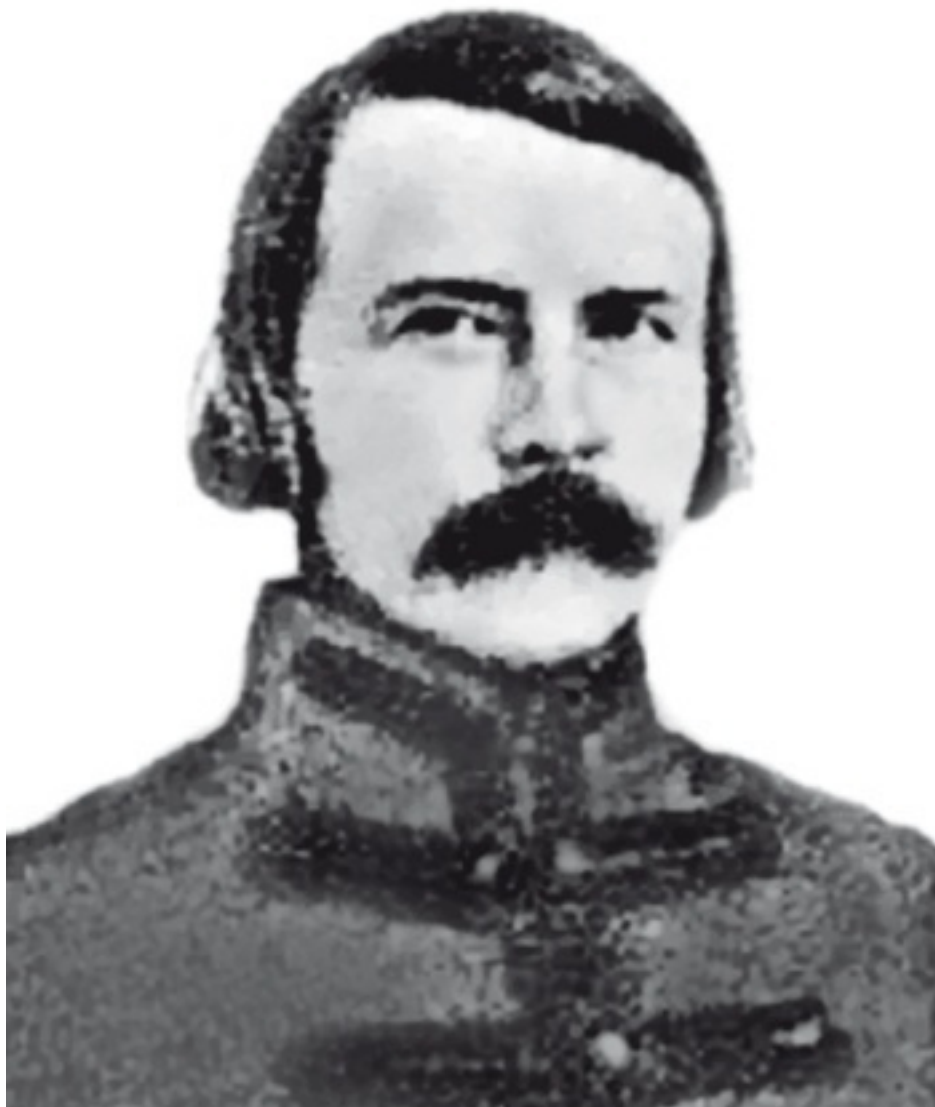
18 октября мы снова видим в Москве Гоголя, возвращающегося в Петербург. Пробыл он здесь всего несколько дней. «23 я думаю непременно выехать», – пишет он матери.

Однако за это короткое время Гоголь успел посетить Аксаковых, Загоскина и Погодина, а также расширить круг своих московских знакомств. Биограф писателя П. А. Кулиш пишет: «На возвратном пути из родины Гоголь отыскал в Москве своего земляка М. А. Максимовича, который был тогда профессором ботаники при Московском университете»²⁷. Гоголь не застал Максимовича дома, и последний сам поспешил навестить его в гостинице (в какой именно – нам, к сожалению, неизвестно). Их дружеские отношения сложились с этой же встречи. Надо полагать, что свойственная им обоим восторженная любовь к народной песне немало содействовала этому сближению. Горячая любовь к народному творчеству проходит через всю жизнь Гоголя. Песня, по мысли Гоголя, властвует над душевным миром человека, в песне он перерождается, «чувствует себя исполином; душа и все существование раздвигается, расширяется до беспредельности»²⁸. «Моя радость, жизнь моя! песни! как я вас люблю! Что все черствые летописи, в которых я теперь роюсь, пред этими звонкими, живыми летописями!.. – пишет он Максимовичу. – ...Я не могу жить без песен...»²⁹ П. А. Кулиш, имевший возможность беседовать на эту тему после смерти Гоголя с С. Т. Аксаковым, Максимовичем и Бодянским, отмечает, что русская песня «увлекала его сердце непобедимую силою, как живой голос всего огромного населения его отечества»³⁰. Песни для Гоголя были родником, вдохновляющим и питающим его творчество. «Малороссии[йские] песни со мною, – пишет он Погодину 15 августа 1839 года, в процессе работы над «Тарасом Бульбой». – Запасаясь и тщусь сколько возможно надыхаться стариной»³¹. На примере этой повести мы видим, как многие старинные песни и думы ложатся в основу описываемых Гоголем эпизодов, характеров, бытовой обстановки. В работе Гоголя над историческим произведением песни как источники, наиболее ярко и полно выражающие народное осмысление событий, занимают видное место.

М. А. Максимович в это время подготовлял к печати свой сборник «Украинские народные песни» (вышел в 1834 г.). Гоголь, сам собиравший образцы народной поэзии, вернувшись в Петербург, деятельно помогает ему. Он обращается с просьбой к матери о присылке ему «старинной тетради с песнями, между ними есть многие очень замечательны»³², поручает сестре записывать бытующие песни. Все это в копиях он направляет Максимовичу. В публикации последнего свыше 150 записей принадлежит Гоголю.

М. А. Максимович, даровитый и разносторонний ученый – ботаник, историк, этнограф и литературовед, жил в те годы в Ботаническом саду, которым он заведовал (1-я Мещанская улица, № 28). Однако жилые и служебные постройки на его территории более позднего происхождения. Дом, где у Максимовича бывал Гоголь, не сохранился⁶.

⁶ Во время свидания Гоголя с Максимовичем Ботанический сад занимал значительно большую, чем ныне, территорию. «После 1832 года часть земли по Грохольскому (№ 3–9) и Ботаническому (№ 1–15, 2, 4, 8–14–20) переулкам распродана по участкам». (Музей истории и реконструкции Москвы. Архив Н. П. Чулкова. Пачка 1, тетрадь 21, с. 59).

Петр Васильевич Киреевский

У Максимовича Гоголь познакомился с жившим у него студентом О. М. Бодянским, который впоследствии был профессором истории и литературы славянских наречий в Московском университете. Гоголь с первой же встречи заинтересовался работой молодого ученого и послал ему через Максимовича пожелания «успехов в трудах»: С конца 1840-х годов Гоголь был с Бодянским в близких и дружеских отношениях.

В этот же приезд, а возможно, и в предыдущий, у Гоголя произошло еще одно знакомство. П. А. Плетнев сообщал В. А. Жуковскому о пребывании Гоголя в Москве в 1832 году: «Вообще тамошние литераторы, кажется, порадовали его особенным вниманием к его таланту. Он не может нахвалиться Погодиным, Киреевским»³³. Здесь неясно, о каком из братьев Киреевских идет речь: об Иване Васильевиче – писателе и философе, в будущем ставшем одним из основоположников славянофильства, или о его младшем брате, Петре Васильевиче, вошедшем в историю нашей словесности своим собранием русских песен. Вкладчиками в это собрание были крупнейшие писатели тех лет. По словам П. В. Киреевского, «А. С. Пушкин, еще в самом почти начале моего предприятия, доставил мне замечательную тетрадь песен, собранных им в Псковской губернии... Н. В. Гоголь сообщил мне тетрадь песен, собранную в различных местах России... В. И. Даль – собрание песен уральских... А. В. Кольцов – собрание песен

Воронежской губернии» и т. д.³⁴. Все эти факты дают нам основание полагать, что сближение Гоголя было именно с П. В. Киреевским; слишком много у них было общих интересов. Тем более что П. В. Киреевский, начавший собирание песен в 1830 году, в 1831 и 1832 годах с особым рвением записывал их в подмосковных деревнях.

Братья Киреевские жили в эти годы в доме своей матери А. П. Елагиной (по второму браку) – ныне Хоромный тупик, № 4. Четверть века дом этот являлся одним из средоточий науки, искусства и литературы в Москве. «У Красных у ворот, в республике, привольной науке, сердцу и уму...» – пишет о нем поэт Н. М. Языков³⁵. В. А. Жуковский называл Елагину – «моя поэзия»³⁶. И Гоголь, как мы увидим в дальнейшем, становится одним из постоянных посетителей этого крупнейшего литературного салона Москвы.

Дом А.П. Елагиной в Хоромном тупике, 4, в котором Н.В. Гоголь читал «Мертвые души». Акварель Б.С. Земенкова

«...До весны надеюсь быть у вас в Москве», – пишет Гоголь Погодину 25 ноября 1832 года³⁷. Но вновь посетить Москву ему удастся лишь в 1835 году. За эти два с половиной года он лишь деятельной перепиской поддерживает свои новые литературные связи. Из этой переписки явствует, что Москва, так тепло и приветливо его встретившая, становится для Гоголя уже родным и близким городом. «...Творческая сила меня не посещает до сих пор. Может быть, она ожидает меня в Москве», – пишет он Погодину³⁸. Не получая долго ответных писем, Гоголь сетует: «Вся Москва, кажется, забыла меня. Тогда как ее беспрестанно вижу в мыслях своих»³⁹. «Эх, зачем я не в Москве!» – вырывается у него в одном из последующих писем⁴⁰.

4

Внимание к творчеству Гоголя с прежней силой жило в Москве. В начале 1834 года он был избран в действительные члены Общества любителей российской словесности.

Но деятельность Общества в эти годы уже в значительной степени упала. Поэт М. А. Дмитриев так вспоминает о Ф. Ф. Кокошкине, председательствовавшем в Обществе в 1826–1833 годах: «...думал более о наружном блеске собраний и сделал из них один спектакль для публики»¹. Бездеятелен был и новый председатель – М. Н. Загоскин. Вот почему, учитывая весьма малое значение Общества любителей российской словесности в эти годы, Гоголь иронически замечает его секретарю Погодину в ответ на присылку диплома: «При этом почтеннейшем вашем письме я получил маленькое прибавление, впрочем гораздо больше письма вашего, о венчании меня, недостойного, в члены Общества любителей слова, труды которого, без сомнения, слышны к Лондоне, Париже и во всех городах древнего и нового мира»².

Весной 1835 года Гоголь вновь направляется в Васильевку. По дороге он проводит несколько дней в Москве. Об этом кратком пребывании сал: он пишет, что «...был страшно захлопотан и при всем том многих не видел»³. Однако Гоголь все же успел ознакомить москвичей со своей новой пьесой. Это была вчерне написанная «Женитьба», носившая тогда название «Женихи». Редактор журнала «Московский наблюдатель» В. П. Андросов сообщил А.А. Краевскому в Петербург в письме от 19 мая, что «...недели с три... Гоголь читал свою комедию «Женитьба». Чтение это происходило у Погодина, по определению исследователей, 4 мая. Где в это время жил Погодин, продав свой дом на Мясницкой, – неизвестно. Чтение Гоголя имело большой успех. «Уморил повеса всю честную компанию... – пишет Андросов, – я хотел было – или лучше мои сотрудники желали было приобрести комедию для журнала, но он не согласился, хочет дать на сцену»⁴.

Об успехе выступления Гоголя пишет и Погодин: «Читал Гоголь так... как едва ли кто может читать. Это был верх удивительного совершенства... как ни отлично разыгрывались его комедии... но впечатления никогда не производили они на меня такого, как в его чтении». Особо он отмечает выразительность гоголевской мимики: «Когда дошло дело до любовного объяснения у жениха с невестой – «в которой церкви вы были в прошлое воскресенье? Какой цветок больше любите?» – прерываемого троекратным молчанием, он так выражал это молчание, так оно показывалось на его лице и в глазах, что все слушатели *a la lettre*⁷ покатывались со смеху, а он, как ни в чем не бывало, молчал и поводил только глазами»⁵.

На это чтение в числе других были приглашены Погодиным Е.А. Баратынский и Денис Давыдов, которые не смогли приехать. Из их ответных писем трудно выяснить, в какой мере поддерживались у них личные отношения с Гоголем и мог ли последний бывать у них.

С большой долей вероятности можно полагать, что Гоголь в эти годы бывал у Баратынского. Еще в 1833 году в письме к Погодину он включает Баратынского в число своих ближайших московских знакомых: «Что делают наши москвичи? Что Максимович?.. А Киреевский... Не делает ли чего Баратынский? и не будет ли кто из вас этого лета в Петербурге?» В 1835 году Баратынский приобрел собственное владение на Спиридоньевской (ныне улица Алексея Толстого, № 14–16, дом не сохранился). Признаком известного сближения Баратынского с Гоголем можно считать его участие на первом именинном обеде Гоголя в 1840 году. Но в дальнейшем их отношения не получили развития. В 1841 году Баратынский приступил к постройке нового дома в Муранове, редко бывал в Москве, живя возле своей усадьбы в Артемове зимой и летом, по его словам, «в глубочайшем уединении...»⁷. Когда же Гоголь с 1848 года жил преимущественно в Москве, Баратынского уже не было в живых.

Второе чтение «Женитьбы» намечалось у С. Т. Аксакова, который в это время переехал из Афанасьевского переулка в дом Штюмера на Сенном рынке⁸. Но Гоголь пришел к Аксакову

⁷ Буквально (фр.).

⁸ Ныне это владение № 3 по Красноворотскому проезду. Площадь перед ним, занятая с 1890 года сквером, ранее именовалась Сенным рынком. К сожалению, по этому владению не сохранилось никаких архивных материалов, но наличие белока-

с большим опозданием и заявил, что в этот день он читать не может. На чтение С. Т. Аксаков пригласил тех лиц, которые не присутствовали на предыдущем; в числе собравшихся были Н. В. Станкевич и В. Г. Белинский. Так дом Штюрмера явился местом первой встречи великого критика с Гоголем.

Виссарион Григорьевич Белинский

менного фундамента, пропорции окон, особенно в дворовой части, их оформление – все это заставляет полагать, что данное строение сохранилось, хотя декорировка его и подверглась некоторым изменениям.

Славные имена Белинского и Гоголя неразрывно связаны в истории нашей литературы. Если Гоголь был родоначальником критического реализма в русской литературе, то произведения великого критика занимают в ней, по определению Н. Г. Чернышевского, «столь же важное место, как произведения самого Гоголя»⁸. Белинский непримиримо и страстно вел борьбу за гоголевскую школу, помогал самому Гоголю утвердиться на пути народности и реализма. Гоголь был любимым писателем Белинского, в его переписке и статьях мы часто встречаем гоголевские выражения. В своих полемических выступлениях он нередко пользуется образами Гоголя. Еще за год до их первой встречи Белинский в своей замечательной статье «Литературные мечтания» (1834 г.) высоко оценил молодого Гоголя, отметив, что он «принадлежит к числу необыкновенных талантов... Дай бог, чтобы он вполне оправдал поданные им о себе надежды»⁹. Разбирая вышедшие в начале 1835 года сборники «Арабески» и «Миргород», Белинский в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» видит в нем уже «главу литературы»¹⁰.

В конце августа, возвращаясь в Петербург, Гоголь останавливается дольше в Москве. Его сопровождали А. С. Данилевский, один из ближайших друзей писателя, и И. Г. Пашенко; оба – его товарищи еще по Нежинской гимназии. Нельзя не отметить своеобразный характер этой поездки. «Здесь была разыграна оригинальная репетиция «Ревизора», которым тогда Гоголь был усиленно занят. Гоголь хотел основательно изучить впечатление, которое произведет на станционных зрителей его ревизия с мнимым инкогнито. Для этой цели он просил Пашенку выезжать вперед и распространять везде, что следом за ним едет ревизор, тщательно скрывающий настоящую цель своей поездки... Когда Гоголь с Данилевским появлялись на станциях, их принимали всюду с необычайной любезностью и предупредительностью... Гоголь держал себя, конечно, как частный человек, но как будто из простого любопытства спрашивал: – «Покажите, пожалуйста, если можно, какие здесь лошади; я бы хотел посмотреть их»¹¹.

Гоголь, Данилевский и Пашенко остановились в гостинице, в какой именно – нам, к сожалению, опять неизвестно.

На другой же день Гоголя посетил И. И. Дмитриев. Узнав, что он везет в Петербург комедию «Женитьба», Дмитриев просил прочитать ее у него дома, в кругу избранных москвичей. Т. Г. Пашенко рассказывает: «На вечере у Дмитриева собралось человек 25 московских литераторов, артистов и любителей, в числе которых был и знаменитый Щепкин с двумя своими дочерьми... по одну сторону Гоголя сидел Дмитриев, а по другую Щепкин. Читал Гоголь так превосходно, с такой неподражаемой интонацией, переливами голоса и мимикой, что слушатели приходили в восторг, не выдерживали и прерывали чтение различными восклицаниями. Кончил Гоголь и свистнул... Восторженный Щепкин сказал так: «Подобного комика не видал и не увижу!» Потом, обращаясь к дочерям, которые готовились поступить на сцену, прибавил: «Вот для вас высокий образец художника, вот у кого учиться!»¹² Все современники единодушно отмечают исключительное мастерство и неподражаемую выразительность гоголевского чтения. Такой мастер русской сцены, как Щепкин, считал, что Гоголь обладал непревзойденным сценическим дарованием. Нельзя также забывать, что при постановке своих пьес Гоголь обычно сам, своим чтением, показывал актерам, как именно нужно им исполнять роли в его пьесах. С. Т. Аксаков, вспоминая чтение Гоголем «Женитьбы» в Москве в 1835 году, говорит: «Гоголь до того мастерски читал или, лучше сказать, играл свою пьесу, что многие понимающие это дело люди до сих пор говорят, что на сцене, несмотря на хорошую игру актеров, особенно Садовского в роли Подколесина, эта комедия не так полна, цельна и далеко не так смешна, как в чтении самого автора»¹³.

В этот приезд в Москву Гоголь также встречался (как явствует из его записки к Погодину об устройстве дружеского обеда) с профессором энциклопедии права Московского университета П. Г. Редкиным¹⁴

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.